

„МУЗЫКА“ И. Ф. МЮЛЛЕРЪ

И этого не надо было дѣлать.

Ея талантъ дороже всякой формулы. Онъ слишкомъ драгоцененъ, чтобы быть матеріаломъ для какихъ-либо экспериментовъ.

Но правилъ Коммиссаржевскою законъ высшій, чѣмъ даже любовь къ собственному таланту. Надъ всѣмъ царствовало стремленіе къ невѣдомому, но рисовавшемуся въ заманчивыхъ даляхъ идеалу новой художественной истины. И этому стремленію отдала всю себя артистка.

И послѣдніе годы ея дѣятельности были какъ подвигъ.

«Въ нашемъ дѣлѣ, играемъ мы на сценѣ или пишемъ, главное—не слова, не блескъ, а умѣнье терпѣть. Умѣй нести свой крестъ и вѣруй». Эти слова изъ чеховской «Чайки» написала В. О. Коммиссаржевская на томъ портретѣ, который воспроизводимъ мы сегодня.

Цитата была сдѣлана въ ту пору, когда В. О. Коммиссаржевская только что разсталась съ Александринскимъ театромъ и пошла своей самостоятельной, свободной дорогой. Слова оказались пророческими. Съ вѣрою понесла артистка свой крестъ.

И сегодня, привѣтствуя въ ней большой, увлекающій талантъ, привѣтствуя художника, наполнявшаго русскихъ зрителей лучшими восторгами, мы привѣтствуемъ вмѣстѣ и смѣлаго, самоотверженнаго искателя.

Время, быть можетъ, смететъ очень многія изъ ея исканій, какъ ошибки и ложь, какъ ненужное театру; но исторія театра сохранитъ память о самой искаательницѣ и закрѣпитъ ея имя въ двойномъ ореолѣ.

Какъ сложатся будущіе дни В. О. Коммиссаржевской на сценѣ,—мы не знаемъ. Но мы, со всѣми, кому дорога она, кому дорогъ театръ, полны желанія, чтобы наша, наконецъ, артистка такую форму, которая-бы не тѣснила, но помогала ея прекрасному таланту, чтобы исканіе и творчество обрѣли въ Коммиссаржевской гармонию.

Красота страданія.

Носительницею и выразительницею этой красоты была всегда Коммиссаржевская-артистка.

Во славу этой красоты страданія были всѣ пятнадцать лѣтъ, что прожила Коммиссаржевская въ театрѣ.

Отъ Розы до Франчески.

Le ne sais si une femme a jamais mérité d'être très malheureuse, говоритъ одинъ меттерлинковскій герой.—«Я не знаю, заслуживаетъ ли когда-нибудь женщина быть очень несчастной».

Коммиссаржевская могла бы поставить эти слова поэта, котораго такъ нѣжно и такъ чутко любить, эшиграфомъ ко всей поэмѣ своего сценическаго творчества.

И, чтобы доказать это, доказать незаслуженность женскаго страданія, всѣ пятнадцать лѣтъ, среди всѣхъ смѣнъ своихъ сценическихъ направленій, одѣвала страданіе великою красотой. Передавала его во всей глубинѣ. И всегда находила тѣ родники, изъ которыхъ падаютъ лучшія слезы.

Когда оглядываешься назадъ, на прожитое, и встаютъ, одинъ за другимъ, созданные Коммиссаржевской образы,—кажется, что все это—одна скорбная и прекрасная повѣсть. Это—исторія чистой женской души, которая пришла въ міръ, чтобы перестрадать всѣ муки, истерзать себя во всѣхъ жестокостяхъ судьбы и выплакать всѣ слезы.

Прошли передъ глазами такія различныя лица,—маленькія мѣшаночки и историческія страдалицы, юныя дѣвушки, чье сердце едва раскрылось для перваго горя, и женщины, претерпѣвшія уже всѣ удары, израненныя жизнью, клонящіяся къ закату. Были наивныя и были преступныя, покорныя и бунтующія, вѣрующія и отчаявшіяся.

И были это то образы великихъ художниковъ, то сочиненія маленькихъ ремесленниковъ, титановъ и лилипутовъ драматургій. Были Гете и Фаберъ, Чеховъ

Р я д ы. ЕЖЕДНЕВНО ОРКЕСТРЪ
до 2-хъ час. ночи.

Трахтенбергъ, золото и фольга.

Но все многообразіе объединялось въ одномъ,—въ красотѣ женскаго горя, въ

дали слезы изъ широко раскрытыхъ глазъ, въ которыхъ была печаль безъ исхода и нѣмой укоръ.

В. О. КОМИССАРЖЕВСКАЯ.

красотѣ страданія. Черезъ всю пестроту формъ проходила все та же большая, бьющаяся въ лапахъ жизни душа. И па-

Это не было однообразіе. Потому-что безмѣрно разнообразіе горя, потому что многогранна скорбящая душа. Но во

всѣхъ граняхъ игралъ тотъ же единый свѣтъ. Это основное было всегда то же, и было прекрасно.

Я не знаю Комиссаржевской первыхъ лѣтъ на сценѣ, того періода, который скромно начался въ провинціальномъ театрѣ и продолжался въ блескѣ, среди триумфовъ на Александринской сценѣ. Я знаю ее лишь съ того лѣта, когда, порвавъ съ Петербургомъ, уже славная, выступила Комиссаржевская впервые въ Москвѣ.

Но то, что я знаю объ ея творествѣ первой поры, что слышалъ отъ наиболѣе чуткихъ петербургскихъ зрителей, съ убѣдительною говоритъ то же. И тогда была она такою, какою узнала ее Москва. И тамъ красота страданія была лучшимъ содержаніемъ всѣхъ ея ролей, всего ея исполненія.

Въ одинъ тихій, уютный вечеръ мнѣ пришлось долго разговаривать о «Чайкѣ» съ А. П. Чеховымъ. Я только-что видѣлъ эту драму въ Петербургѣ, въ обновленіи. Чеховъ сталъ вспоминать первую постановку на Александринской сценѣ. Всѣ знаютъ, она вышла такой печальною, показала пьеса недоразумѣньемъ и потерпѣла полное крушеніе.

Этотъ злопамятный спектакль, въ который и публика, и большинство исполнителей такъ не поняли и такъ обошлись съ лучшимъ чеховскимъ созданіемъ для театра, былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній у милаго, дорогого писателя. И когда онъ вспоминалъ, доброе лицо дѣлалось хмурымъ, и въ голосѣ начинали звучать непривычно сердитыя, раздраженные ноты.

Но вдругъ лицо засвѣтилось такою теплою, любящею улыбкою, и что-то мягко-нѣжное наполнило глаза.

Память воскресила образъ первой Зарѣчной-Комиссаржевской.

И, желая опредѣлить ея исполненіе, которое своею правдою и своею красотою было въ такой дисгармоніи со всѣмъ остальнымъ спектаклемъ, Чеховъ сказалъ:

— Никто не умѣетъ такъ страдать, какъ она. Такъ глубоко и такъ красиво. Хорошая актриса!

Такъ глубоко и такъ красиво, — эти слова приходили мнѣ на память по поводу каждой почти роли, въ которой я видѣлъ Комиссаржевскую. Шли они и къ маленькой Розѣ въ матросекой курточкѣ, къ этой нѣмецкой дѣвочкѣ, которая начала славу Комиссаржевской, и къ

Магдѣ, и къ Норѣ, и къ Лариссѣ, и къ Аннѣ Демуриной, и къ сестрѣ Беатрисѣ, и къ чеховской Сонѣ, этому истинному гению женскаго горя. Образы очень различные, сотканые каждый изъ иныхъ душевныхъ элементовъ, съ разною судьбою. Но вездѣ прекрасно раскрывалась въ началѣ душа и властно подчинялась этимъ печалямъ, обдавала ихъ глубокою искренностью и ихъ красотою.

Обаяніемъ этой красоты, красоты страданія обдала Комиссаржевская гѣхъ случайныхъ зрителей, которые увидели ее въ Старой Руссѣ и донесли вѣсть о новомъ крупномъ талантѣ до петербургской столицы. И обаяніемъ этой красоты была больше всего сильна Комиссаржевская

В. О. КОММИССАРЖЕВСКАЯ.

во всю свою сценическую жизнь. Ему обаяна она своею большею славою и тою горячею любовью, которою окружила артистку вся русская публика и высоко подняла надъ общимъ театральнымъ уровнемъ. Потому что не умомъ, а сердцемъ живетъ зритель въ театрѣ. И ничего такъ не близко, такъ не сладко этому сердцу, какъ влитая въ него творчествомъ актера скорбь.

Почему отраднo страдать въ театрѣ — я не стану здѣсь это разбирать. Но когда глубокая печаль, несясь черезъ рампу, заливаешь грудь, и падаютъ изъ глазъ слезы, — зритель испытываетъ счастье. Таковъ законъ психологій зрительной залы. И этимъ счастьемъ постоянно дарила Комиссаржевская.

Она умѣла на сценѣ страдать. Страданіе было главнымъ ея содержаніемъ. И ка-

кіе бы узоры ни расшивала роль, какія бы душевныя движенія не переживала героиня той или иной драмы,—сквозь все просвѣчивала въ передачѣ Коммиссаржевской эта скорбь, глубокая и красивая. И за нею шли мы на спектакли Коммиссаржевской. И оттого такъ охотно прощали, когда въ рисунокъ образца были невѣрности, когда въ Лариссѣ не было «табора», цыганщины, въ Магдѣ—дивы и протестующей силы, въ Моннѣ Ваннѣ—романтизма. Да, всякій видѣлъ, что нѣтъ того, другого, что это—не Магда, не Ларисса, черты путаются. Но было лучшее, цѣннѣйшее. Была та мелодія искренней,

РОЗИ. „БОЙ БАБОЧЕКЪ.“ (1-й актъ).

всю душу пропитавшей печали, которая и есть Коммиссаржевская.

Я вовсе не хочу сказать, что Коммиссаржевская, что бы ни играла, играла одно и то же, что она все заливала слезами, окутывала траурными флерами. У Коммиссаржевской—много красокъ и большая гамма звуковъ души. Она умѣла быть и радостной, и торжествующей, и экстазной. Умѣла на сценѣ любить и ненавидѣть. Ея глаза умѣли зажигаться и пожарами мести, негодованія, ненависти. Она умѣла смѣяться звонкимъ серебрянымъ смѣхомъ.

Одно время Коммиссаржевская часто играла совсѣмъ плохонькую, наивно сдѣланную пьеску какого-то нѣмецкаго кустика, подражавшаго Шницлеру. Пьеса называлась «Вѣчная любовь». И исполненіе Коммиссаржевской было образцомъ комедійной игры. Это, можетъ быть, было лучшее у Коммиссаржевской по виртуозности исполненія. И сколько дала она за свою сценическую жизнь богатыхъ элементовъ жанра.

Но все-таки все это были оболочки. И всегда, чрезъ всѣ оболочки, свѣтила скорбь, зажигала свои свѣты красота страданія. Звонко серебрился молодой смѣхъ, шаловливо смотрѣли молодые глаза, вспыхнула злоба, пылала страсть,—а чуткое ухо уже ловило за всѣмъ этимъ, во всѣхъ гармоніяхъ, ноты великой печали. И ждало, когда онѣ, эти ноты, выбьются впередъ, покроютъ всѣ другіе звуки. Зритель ждалъ, что вотъ Коммиссаржевская раскроетъ себя, покажетъ то, что сдѣлало ее Коммиссаржевской,—покажетъ красоту великаго страданія.

И тогда критикующій голосъ умолкалъ, тогда глаза переставали любоваться. Тогда мучительно стонало сердце, заполненное чужимъ горемъ. И это было вышею радостью въ театрѣ.

Пятнадцать лѣтъ развертывается поэма женскаго горя, поэма души, у которой отъ страданій вырастаютъ крылья. Высоко возносится на этихъ крыльяхъ образъ женщины.

Ея идеализации, въ лучшемъ, благородномъ смыслѣ слова, отданы весь громадный талантъ и все творчество Коммиссаржевской.

Многое мѣнялось и перемѣнилось въ Коммиссаржевской—артисткѣ. Но это, красота страданія, осталось неизблемымъ, неизмѣненнымъ. И пока она, эта красота страданія, будетъ жива въ Коммиссаржевской,—будетъ жива и сама Коммиссаржевская. Будетъ ея мѣсто на вершинѣ горы.

Старый другъ.

15 лѣтъ назадъ.

(Клочки воспоминаній).

В. О. Коммиссаржевская не безъ основанія празднуетъ свой юбилей въ Москвѣ. Именно Москва—была первой колыбелью ея артистическаго дарова-